

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕПРОДУКТИВНОЙ МОДЕЛИ ТУВИНСКОЙ СЕМЬИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

О. Д. Натсак¹

¹Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. 667000, Россия, Кызыл, ул. Кочетова, д. 4

Для цитирования: *Натсак О. Д.* Трансформация репродуктивной модели тувинской семьи: историческая ретроспектива и современные тенденции // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 2. С. 52–71. DOI: 10.19181/snsp.2022.10.2.9028. EDN: VRYUUM

Аннотация. В статье проанализирована трансформация репродуктивной модели тувинских семей в исторической ретроспективе и в контексте современных мировых и российских трендов через исследование факторов, влиявших на показатели рождаемости, выживаемость детей, а также на прирост населения Тувы в XX–XXI вв., в том числе через теорию второго демографического перехода. Показана роль внутрирегиональных миграционных потоков «село-город» и процесса урбанизации в трансформации репродуктивной модели семей, изменении размеров семей и детности. Проанализировано возможное влияние аборт и новых репродуктивных технологий на демографический профиль тувинских семей. Исследовательское внимание также обращено на изменение общих коэффициентов брачности в Туве в сравнении с общероссийским значением показателя и показателями отдельных регионов. Автор предпринял попытку объяснения специфики формирования показателя внебрачных рождений и незарегистрированных браков, а также динамики показателя разводимости в сравнительном контексте с другими российскими регионами. В статье показано место семьи и детей в иерархии жизненных ценностей современных тувинских семей, представлены результаты исследования репродуктивных стратегий современных тувинских семей на основе количественного социологического опроса. Актуальность такого исследования обусловлена не только необходимостью прогнозирования демографических процессов, развития человеческого потенциала Республики Тыва как приграничного субъекта РФ, но и необходимостью понимания исторического контекста, который во многом определял рост народонаселения Тувы. Научная новизна предлагаемой статьи заключается в том, что впервые предпринята попытка системного анализа и осмысления трансформации репродуктивной модели тувинской семьи в исторической ретроспективе и в контексте современных мировых и российских трендов.

Ключевые слова: тувинская семья; рождаемость; смертность; брачность; репродуктивная модель; репродуктивные стратегии; семейные ценности; демографический профиль Тувы

Введение

Тувинская семья и её репродуктивная модель в XX – начале XXI вв. претерпели существенные изменения, связанные не только с возрастом и показателями брачности, стандартом детности, но и статусно-ролевыми позициями мужчины и женщины в семье, а также гендерным укладом.

Цель настоящей статьи – анализ трансформации тувинской семьи и её репродуктивной модели в исторической ретроспективе и современных характеристиках в контексте общемировых и российских трендов.

Объектом исследования являются репродуктивные стратегии тувинских семей в историко-демографическом и социологическом измерениях.

Предметом анализа выступают историческая динамика стандартов детности, брачности, внебрачной рождаемости в тувинском обществе, а также репродуктивная модель современной тувинской семьи.

Гипотеза исследования заключается в том, что репродуктивные стратегии тувинских семей, показатели брачности, рождаемости как социальные процессы претерпели в XX–XXI вв. количественные и качественные изменения под влиянием общих социокультурных, политических и экономических трансформационных процессов, при этом ценности семьи и детей в тувинском обществе, этническая ориентированность на многодетность на современном этапе пока удерживают приоритетные позиции. С этой точки зрения типологически преобладающую репродуктивную стратегию семей в Туве можно отнести к традиционалистским. Вместе с тем в социальной практике современного тувинского общества имеют место и монородительские стратегии, и стратегии сожительства, которые не расцениваются как маргинальные явления. Такие факторы, как рост урбанизации, изменение гендерной роли женщин в условиях эгалитаризации семьи, в перспективе будут приводить к переходу к малодетной модели семьи.

Эмпирическую основу статьи составили статистические данные, а также социологическое исследование тувинской семьи, проведённое автором в Республике Тыва в декабре 2020 г. – январе 2021 г.¹

Историография вопроса довольно обширна: Тува упоминается российскими исследователями в контексте изучения этнического аспекта естественного прироста населения [23, с. 149], высоких показателей внебрачной рождаемости [10, с. 373], вы-

¹ Генеральную совокупность, служащую основой для подготовки дизайна выборки при проведении исследования, составили все брачные пары, проживающие на территории Республики Тыва. На основе данных Всероссийской переписи населения 2010 г. по территориальному распределению брачных пар, по распределению численности населения РТ по муниципальным образованиям, полу и возрасту (на 1 января 2020 г.) была определена выборка исследования. В дизайне выборки использовалась модель многоступенчатой стратифицированной выборки. Размер выборочной совокупности составил 380 ед., но с учётом погрешности метода было принято решение увеличения выборки до 450 ед. Опрос был проведён на основе вычисления доли городского и сельского населения республики. Городское население составляет 54%, сельское – 46% (эти же пропорции сохраняются в генеральной совокупности брачных пар – по данным переписи населения 2010 г.). Методом сбора информации являлось личное интервью, проводившееся по формализованному опроснику в домохозяйствах. В каждом домохозяйстве опрашивался один из супругов.

соких темпов старения населения на фоне снижения рождаемости [22, с. 36]. В этих работах Тува не является предметом специального исследования, однако по определённым маркерам (максимальные или минимальные значения отдельных показателей) выступает как объект сравнения с другими регионами России.

Есть ряд работ, исследующих особенности воспроизводства населения конкретно в Республике Тыва [12], демографическую ситуацию в республике [2]. Этнодемографическим процессам посвящено исследование З. В. Анайбан [1].

Как справедливо указывали М. Н. Руткевич и Г. Г. Силласте, «социология является важнейшим инструментом объяснения демографических процессов и социологические исследования дают основную массу сведений о субъективных мотивациях социально-демографического поведения» [23, с. 145]. В связи с этим при осмыслении демографической истории Тувы в XX–XXI вв., трансформации тувинской семьи и её репродуктивной модели в настоящей статье предпринята попытка использования междисциплинарного подхода, выхода за пределы статистической информации и расширения информационной базы исследования за счёт социологических и историко-этнографических данных.

Рождаемость, стандарты детности, репродуктивная модель тувинской семьи

Русские и зарубежные исследователи, посещавшие Туву (Урянхайский край) в начале XX в., в своих работах этнографического и антропологического характера описывали тувинцев как народ, который ждёт вымирание. В. Родевич в «Очерках Урянхайского края», изданных в 1910 г. в Санкт-Петербурге, писал о том, что болезни и эпидемии губят детей, а «упадок урянхайского населения, значительная смертность, нужда и развитие болезней служат причинами того, что численность населения вряд ли увеличивается в крае» [20, с. 18]. Он полагал, что населению грозит постепенное вырождение. Подобной оценки придерживался и британский исследователь Д. Каррутерс, предпринявший экспедицию в Урянхайский край в 1910 г.: «В лице этих урянхайцев мы, несомненно, имеем дело с расой, которая находится на пути к вымиранию, будучи и сама по себе малочисленной, и в то же время за исключением крайне редких случаев, лишённой возможности обновлять себя приливом свежей крови» [10, с. 226]. Русский путешественник Г. Грумм-Гржимайло обосновывал аналогичный тезис тем, что в отношении отдельных народностей употребимы такие выражения, как «юность» и «дряхлость». «В жизни человеческих обществ случаются такие условия, которые сокращают период их старости, ускоряя развязку. Они наблюдаются сейчас и у урянхайцев, которые переживают полосу застоя и внутреннего разложения» [5, с. 542]. Этим предрекамиям не суждено было сбыться, колесо истории повернулось так, что тувинцы, в результате политических событий в Китае, Монголии и России не только сумели создать суверенное государство, сохраниться как этнос, но и избежали демографического заката, значительно приумножив народонаселение.

Несмотря на тяжелые условия кочевой жизни, бремя налогов, бедность, территориальную разбросанность общин, а также малочисленность народа, были факторы неэкономического и неполитического характера, которые способствовали высокой рождаемости среди тувинцев.

Во-первых, это осознанное стремление к многодетности, которое было замечено тем же Д. Каррутерсом: «Они очень ценят своих женщин, отчасти потому, что последние здесь не очень многочисленны, но главным образом потому, что у них особенно сильно развито желание иметь детей. Кормить большое количество детей не считается среди них бременем. Желанием каждого является настойчивое стремление поддержать дальнейшее распространение своего рода, в силу чего у урянхов замечается особая любовь к малышам» [10, с. 235].

Во-вторых, это относительный баланс по половому составу тувинского населения, способствовавший брачности и репродуктивной активности. В отличие от исторически близкого народа монголов, среди тувинцев не наблюдалось значительных перекосов в числе мужчин, принявших буддийские обеты, живущих в монастырях. По данным И. М. Майского, в начале XX в. число монахов в Монголии доходило до 105 500 человек, что составляло 44,5% мужского населения четырех аймаков Северной Монголии [16, с. 29].

Но главными факторами, повлиявшими на показатели рождаемости, выживаемость детей, а также на прирост населения Тувы в XX в., стали внедрение советской модели медицины в период ТНР (1921–1944 гг.), разворачивание сети медицинских учреждений, постепенный отказ на государственном уровне от практики тибетской медицины, шаманских практик лечения в 1929 г., государственная политика распространения среди населения санитарно-гигиенических навыков и знаний. Эффективность этих мер проявилась в позитивном естественном приросте населения, снижении показателей младенческой и общей смертности.

Как показано в таблице 1, в 1946, 1950, 1960 гг. воспроизводство населения можно охарактеризовать как высокое, в 1970, 1980, 1990 гг. — выше среднего, в 2000 г. — выше среднего, в 2019 г. — как среднее. Из данного рисунка мы можем сделать несколько принципиальных выводов.

Во-первых, рост рождаемости и её максимальные показатели наблюдались до 1950-х гг. Однако показатели рождаемости в Туве постепенно, но неуклонно начали снижаться с середины XX в., и это стало долговременной тенденцией. Наиболее кризисным годом стал 2000 г., когда общий коэффициент рождаемости (ОКР) упал до 15,6, а показатель естественного прироста был рекордно низкий и составил 2,2. Это было следствием социально-экономического кризиса преимущественно второй половины 1990-х гг. в целом по стране. В России в 1999 г. рождаемость достигла минимального уровня — родилось всего 1 214 689 детей — это почти в 2 раза меньше, чем родилось детей в 1985 г. (2 375 147) [7, с. 37].

Исключением в линейном снижении коэффициента рождаемости выступает 2010 г., который отличился существенным ростом коэффициента в связи с введением социальной поддержки семей в виде материнского капитала с 1 января 2007 г. В 2005 г. суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в Туве составлял 2,150; после внедрения практики государственной поддержки российских се-

мей, в которых с 2007 г. родился или был усыновлён второй ребёнок (а также третий, четвёртый и любой следующий ребёнок), СКР в Республике Тыва в 2010 г. равнялся уже 3,027. Максимальное значение СКР наблюдалось в 2014 г. – 3,485, затем идёт постепенное снижение – так же, как и во всей стране [19, с. 77].

Таблица 1

Рождаемость, смертность и естественный прирост населения в Туве

Годы	Число родившихся на 1000 чел. населения	Число умерших на 1000 чел. населения	На 1000 родившихся умерло детей до 1 года	Естественный прирост	Характеристика воспроизводства населения
1946	37,8	15,9	121,9	21,9	Высокий
1950	40,1	17,0	97,7	23,1	Высокий
1960	38,9	8,6	47,0	30,3	Высокий
1970	28,2	8,3	40,2	19,9	Выше среднего
1980	26,6	10,3	53,4	16,3	Выше среднего
1990	26,6	10,3	33,1	16,3	Выше среднего
2000	15,6	13,4	30,0	2,2	Низкий
2010	26,8	11,6	18,1	15,3	Выше среднего
2019	18,8	8,3	6,7	10,6	Средний

Источники: Народное хозяйство Тувинской АССР: стат. сборник / ЦСУ РСФСР. Стат. упр. Тувин. АССР. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1967. С. 7; Народное хозяйство Тувинской АССР: стат. сборник / ЦСУ РСФСР. Стат. упр. Тувин. АССР. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1971. С. 16; Народное хозяйство Тувинской АССР в девятой пятилетке: стат. сборник / ЦСУ РСФСР. Стат. упр. Тувин. АССР. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976. С. 3.; Юбилейный статистический сборник к 100-летию единения России и Тувы. Кызыл: Тывастат, 2014. С. 18.

Наибольшие показатели рождаемости были зафиксированы в 1950 г., когда на 1000 человек населения родилось 40,3 младенцев, наименьший – в 2000 г., когда на 1000 человек населения пришлось 15,6 рождений [26, с. 18]. По данным 2019 г., показатель ОКР составил 18,6. Несмотря на постепенное снижение, ОКР и сегодня один из самых высоких: по данным 2019 г., Республика Тыва занимает второе место в России [19, с. 66].

Во-вторых, наблюдается корреляция между снижением общей, младенческой смертности и снижением рождаемости. Другими словами, чем выше показатели смертности, тем, соответственно, выше показатели рождаемости. Стабилизация ситуации со смертностью сопровождается снижением показателей рождаемости. С этой точки зрения можно предположить, что высокие темпы рождаемости выполняли компенсаторную функцию. К примеру, в 1946 и 1950 гг. наблюдались наибольшие показатели общей смертности, максимальные значения показателя младенческой смертности, а также высокая рождаемость. К 1950 г. прошло всего 6 лет после вхождения Тувы в состав СССР – медицина, сеть здравоохранения находились всё ещё на этапе становления, что обусловило высокий уровень младенческой смертности. В 1945 и 1950 гг. не было ни одной женской консультации, а в 1955 г. таковых было уже 18. Количество врачебных и акушерских коек для

беременных и рожениц в 1945 г. составляло всего 56 на область, а в 1955 г. — 108 [18, с. 168]. Только к концу 1950-х гг. роды в больничных условиях становятся общепринятой социальной нормой, что привело к снижению младенческой смертности.

В-третьих, темпы снижения рождаемости в Туве были разной интенсивности. Наибольшее падение зафиксировано в десятилетний промежуток между 1960 и 1970 гг., который характеризуется ростом занятости, уровня образования и количеством получающих профессиональное образование женщин. Доля женщин в общей численности рабочих и служащих в отраслях экономики с 43,8% в 1961 г. выросла до 46,9% в 1970 г. Это был массовый выход женщин Тувы на рынок труда. Количество женщин, имеющих высшее и среднее (полное, неполное) образование, к 1970 г., по сравнению с 1959 г., выросло более чем в 2 раза — с 16,1 тыс. человек до 35,3 тыс. человек. Медленно, но всё же неуклонно шла урбанизация населения Тувы. Эти факторы, безусловно, влияли на репродуктивное поведение женщин. Подобные процессы объясняются теорией второго демографического перехода. Это было лишь началом второго демографического перехода и сам переход является всё ещё не завершённым до конца процессом в Туве. В качестве детерминант второго демографического перехода, приводящего к снижению рождаемости, рассматривают растущие доходы, экономическую и политическую защищённость и то, что решения о совместной жизни, разводе, аборте, стерилизации и добровольной бездетности остаются на усмотрение индивидуумов и семейных пар [5, с. 30]. Для такого общества характерны снижение уровня общих и специфических показателей рождаемости, увеличение уровня образования и занятости женского населения, распространение использования средств контрацепции, увеличение числа и доли сожительств, повышение возраста вступления в брак, рост числа и доли неполных семей и распространение внебрачной рождаемости [13, с. 222].

С середины 1950-х гг. тувинские женщины выходят за рамки исключительно репродуктивной миссии. Чем более образованной, более включённой в производственные, экономические отношения становятся тувинские женщины, тем меньше общий коэффициент рождаемости в Туве в XX–XXI вв.

В-четвёртых, несмотря на вышеуказанное снижение рождаемости, в целом индекс детности, суммарный коэффициент рождаемости в Туве были высокими по сравнению с другими республиками РСФСР, не в последнюю очередь по причине медленных темпов урбанизации в период ТНР и в советский период, которые сдерживали закономерный переход к модели малодетной семьи.

По данным переписи 1959 г., из 113 наций и народностей РСФСР в 1959 г. тувинцы находились в составе 15 национальностей, имеющих удельный вес городского населения до 9%. Исходя из материалов данной переписи, Л. И. Тульчинским были представлены сравнительные данные проникновения урбанизационных процессов в жизнь некоторых народов РСФСР: у алтайцев он составлял 9,9%, у бурятов — 16,7%, якутов — 16,9%, хакасов — 18,5% и русских — 54,9% [25, с. 213].

Чем выше удельный вес городского населения, тем меньше средний размер семей с детьми. Среди вышеуказанных народов средний размер семьи у тувинцев был наибольшим — 4,46 человека среди городского и сельского населения, в то время как у бурят — 4,15, якутов — 4,04, хакасов — 3,87, алтайцев — 3,83, русских — 3,59 человека [25, с. 214].

Как видно из таблицы 2, преодоление городским населением Тувы 50-процентного порога зафиксировано переписью населения только в 2002 г. В течение всего XX в. доля сельского населения в Туве была выше, чем доля городского населения, и именно благодаря этому обеспечивалась высокая репродуктивная активность населения. Распад аграрных и животноводческих хозяйств в 1990-е гг. самым драматичным образом сказался на балансе городского и сельского населения в Туве, вызвав потоки внутренней миграции из села в город. В 1983 г., например, наибольшая доля трудовых ресурсов в Туве была сосредоточена в отрасли сельского и лесного хозяйства – 25,4% [24, с. 104].

Таблица 2

Динамика изменения городского и сельского населения Тувы

Годы	Все население	В том числе городское	В том числе сельское	% ко всему населению (городское)	% ко всему населению (сельское)
1931	82,2	3,8	78,4	4,6	95,4
1939	86,7	4,4	82,3	5,1	94,9
1944	96,0	6,0	89,0	6,3	93,7
1951	130,1	26,5	103,6	20,4	79,6
1959	171,9	50,2	121,7	29,2	70,8
1969	225,9	83,7	142,2	37,1	62,9
1979	266,5	113,3	153,2	42,5	57,5
1989	308,5	145,6	163,4	47,1	52,9
2002	305,5	157,3	148,2	51,5	48,5
2010	307,9	163,4	144,5	53,1	46,9
2020	328,8	178,6	150,2	54,4	45,6

Источники: Юбилейный статистический сборник к 100-летию единения России и Тувы. Кызыл: Тывастат, 2014. С. 18. Об итогах Всероссийской переписи населения 2002 года в Республике Тыва // Красноярскстат [сайт]. С. 13. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/39103> (дата обращения: 01.07.2021).

В настоящее время Республика Тыва не является самым низкоурбанизированным регионом России – доля сельского населения в Туве в 2019 г. составила 45,7%, в России – 25,3%.

Общемировые тренды и перспективы урбанизации таковы, что доля городских жителей во всём мире с разными темпами будет расти к 2050 г., в том числе и в России. Оценки и прогнозы перспектив мировой урбанизации 2018 г., охватывающие 233 страны мира, показывают, что к 2050 г. 68% населения мира будет городским [27, с. 1].

В Туве внутренние миграционные потоки отдельных социально-демографических групп, как молодёжь, в город, будут только расти из-за поиска доходов, работы, досуга, лучших условий для социализации детей. При этом дефицит необходимых условий, таких, как наличие собственного жилья в городе или достаточной площади жилья, будут ускорять переход к малодетному стандарту семьи.

По данным Минздрава республики, по состоянию на 2020 г. в республике всего женщин фертильного возраста насчитывалось 80 416 человек, из них 61,1% проживают в городской местности, 38,9% — в сельской местности. В 2018 г. чистый коэффициент воспроизводства сельского населения Тувы (2 658) был почти в 2 раза выше, чем у городского населения республики (0,970) [7]. На основе данной разницы можно предположить, что одним из социальных эффектов урбанизации станет дальнейшее снижение рождаемости в республике. По сравнению с другими российскими регионами высокий показатель рождаемости в Туве будет сохраняться.

Влияние аборт и новых репродуктивных технологий на демографический профиль тувинских семей

Как указывают некоторые исследователи, Россия занимает одно из первых мест в мире после Китая и США по числу аборт в год [22, с. 36–37]. Вместе с тем, по данным Росстата, можно увидеть тенденцию существенного снижения показателей по прерыванию беременности в России — с 168,7 на 100 родов в 2000 г. до 41,5 в 2018 г. Эта тенденция характерна и для Республики Тыва: по сравнению с 2016 г., когда на 100 родов приходилось 48,6 прерываний по республике, в 2020 г. данный показатель снизился до 35,9. Снижение числа аборт могло бы быть резервом для увеличения воспроизводства населения — 35,9 на 100 родов — это в абсолютном значении 2375 потенциальных рождений. Однако нельзя не учитывать распространяющуюся культуру контрацепции, которая по экономическим и иным основаниям направлена на сдерживание рождаемости. В связи с этим сокращение аборт не может заметно повлиять на показатели рождаемости.

Внедрение новых репродуктивных технологий, таких как ЭКО, также не влияет существенно на темпы рождаемости. Региональная медицинская статистика показывает незначительное количество женщин, страдающих бесплодием: в 2020 г. 460, или 269,8 на 100 000 населения. В среднем в год 200 женщин направляются на эти процедуры, но количество фактических родов может быть значительно меньше, учитывая 18% результативности в 2020 г.

Брачность, внебрачная рождаемость

Репродуктивная модель общества во многом зависит от показателей брачности — именно брак как институт традиционно обеспечивал воспроизводство населения. Вместе с тем внебрачная рождаемость как социокультурное явление всё более распространяется в современном мире.

Исследователи указывают на тот факт, что состояние в браке оказывает положительное влияние на увеличение среднего числа рождаемых детей [8, с. 358].

Общие коэффициенты брачности на 1000 населения в России в 2019 г. составили 6,5, Республике Тыва – также 6,7. Как мы видим, показатель брачности в Туве ненамного превышает среднероссийский показатель, при этом он не является ни самым высоким, ни самым низким по России. Следует отметить, что за последнее десятилетие наблюдается положительная динамика – в 2005 г. этот показатель в Туве составлял 5,4.

Анализируя динамику изменения показателя брачности в Туве в исторической ретроспективе¹, мы приходим к выводу о том, что он постепенно снижался со второй половины XX в. За двумя резкими падениями в 1950 и 2000 гг. следовали подъёмы. Самым кризисным для Тувы, аналогично падению рождаемости, стал 2000 г., когда были зафиксированы минимальные 3,6 брака на 1000 человек населения. Таким образом, на этом примере мы можем увидеть взаимосвязь между брачностью и рождаемостью.

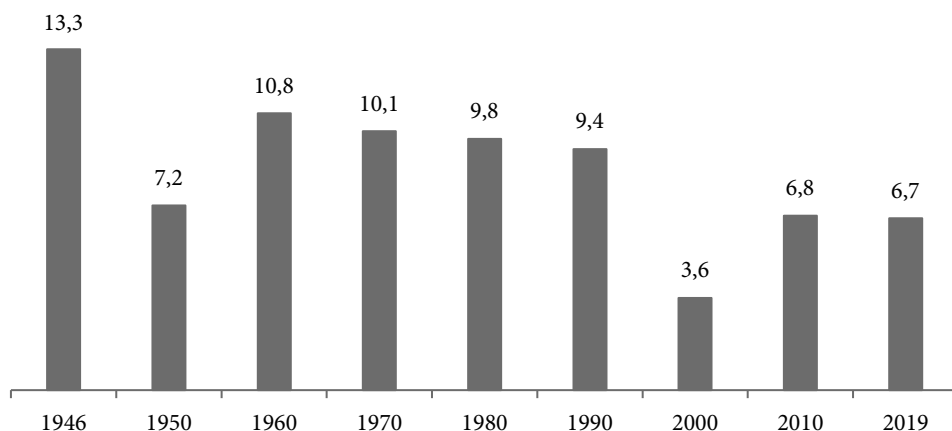

Рис. 1. Динамика брачности населения Тувы, 1946–2019 гг., на 1000 чел. населения

Источники: Юбилейный статистический сборник к 100-летию единения России и Тувы. Кызыл: Тывастат, 2014; данные Росстата (URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>) (или: Демография // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 03.07.2022).

Такая динамика показывает трансформацию институтов семьи и брака, является отражением многих социальных явлений, которые возникли в тувинском обществе в XX в.: это повышение возраста вступления в брак, вызванное получением профессионального образования, распространением внесемейных ценностей, таких, как трудовая, социальная мобильность, карьерные устремления, трансформация форм семьи, а также социально-экономический кризис конца 1990-х гг.

Традиционная патриархальная семья оставалась фундаментом тувинского общества в XX в. Однако трансформационные процессы, происходившие в семейно-брачной сфере в целом по стране в советский и постсоветский периоды исто-

¹ Поскольку данные о брачности в период ГНР отсутствуют, сравнивать советский период с досоветским не представляется возможным.

рии, не обошли стороной и Туву. Например, снижение количества официально зарегистрированных браков не исключает фактических браков. Конкубинат становится определённым этапом к формальной и легитимной регистрации брака, в том числе по причине отсутствия ресурсного потенциала у родителей и самих молодых на проведение свадебных церемоний в начале создания фактической семьи, то есть за неимением материальных условий регистрация брака может откладываться на несколько лет. Эта тенденция сильна и сейчас: нередко официальную церемонию бракосочетания проводят пары, у которых за плечами несколько лет фактического сожительства и имеются общие дети. Отложенное бракосочетание является одной из причин высокой статистики внебрачной рождаемости в республике.

Таким образом, внебрачная рождаемость не всегда наблюдается в неполных материнских семьях, хотя гендерные диспропорции с количественным превалированием женщин в демографической структуре населения Тувы тоже играет определённую роль. Факты наличия отца и полноценной, но не зарегистрированной формально семьи подтверждаются тем, что в 59% случаях внебрачной рождаемости происходит регистрация признания отцовства. По данным регистрации гражданских актов, в 2019 г., например, всего родилось 6221 детей, из которых 2527 у родителей, состоящих в браке, или 46,7%; 3679 детей у родителей, не состоящих в браке, или 59,3%; из 3679 внебрачных детей в отношении 2184 было установлено отцовство — это 59% от всех рождённых внебрачно детей. В остатке — 1495 детей, чьи отцы записаны со слов матери или в документе о рождении стоит прочерк в графе «отец»¹. Это 24% от всех рождённых в 2019 г. детей, которые с большей вероятностью будут расти в одиноких материнских семьях или впоследствии с матерью и отчимом. Одной из причин внебрачных рождений и неполных семей является неготовность молодёжи (в большей степени мужского пола) нести моральную и материальную ответственность за семью. Это неблагоприятная ситуация не только для демографического развития республики. И. Ф. Дементьева сообщает, к примеру, об эмпирическом подтверждении того, что дети, растущие в неполных семьях, получают более низкое образование и поэтому имеют впоследствии более низкий уровень доходов [6, с. 111]. В исследованиях проблем бедности отмечается, что неполные семьи по доле бедных опережают все другие типы семей, и подавляющее большинство семей одиноких матерей — это семьи с весьма скудными материальными ресурсами и ограниченными возможностями для изменения жизни [15, с. 89]. Согласно теории инвестиций в человеческий капитал американского экономиста, социолога Г. Беккера, основным фактором, влияющим на уровень образования, достигнутый для детей в семье, является уровень материального благосостояния родителей (Цит. по: [3, с. 24]). Полагаем, что чем больше детей будут воспитываться в бедных материнских семьях, тем ниже будет качество человеческого капитала, которое впоследствии может отражаться в таких экономических показателях, как безработица и бедность в регионе. С этой точки зрения распространение неполных семей — социальный риск.

¹ Данные для анализа взяты из отчёта: Об итогах деятельности Управления ЗАГС Республики Тыва (Агентства) за 2019 год // Органы ЗАГС Министерства юстиции Республики Тыва [сайт]. Обновлено: 13.02.2020. URL: <https://uzags.rtyva.ru/node/10159/> (дата обращения: 05.07.2021).

Впервые полная информация о незарегистрированных браках была собрана в ходе переписи населения в 2002 г. Тогда в республике было зафиксировано 15 тыс. незарегистрированных супружеских пар, или 25,9% от всего количества брачных союзов, в то время как по России такие союзы составляли 10% [9, с. 13]. В целом эта перепись показала снижение количества браков по сравнению с переписью 1989 г., сокращение ранних браков, увеличение доли тех, кто никогда не состоял в браке, и рост числа детей, рождённых вне зарегистрированного брака [9, с. 13]. Рост внебрачной рождаемости был действительно значительным: с 33,6% в 1989 г. до 62,0% в 2002 г.

Альтернативные формы брака, которые отмечают исследователи в современной социальной практике, — это варианты параллельных семей (мужчина живёт на две семьи, где есть дети), внебрачной кровнородственной неполной (материнской) семьи, внебрачной неформальной полной семьи, открытых браков, повторных браков с детьми от предыдущих браков [15, с. 95]. Все эти формы не совсем способствуют режиму расширенного воспроизводства населения, но это — та реальность, которая созвучна общемировым трендам. Тува не является исключением. Следует отметить, что стратегия сожительства, как и монородительская стратегия, стали обычным явлением в социальной практике.

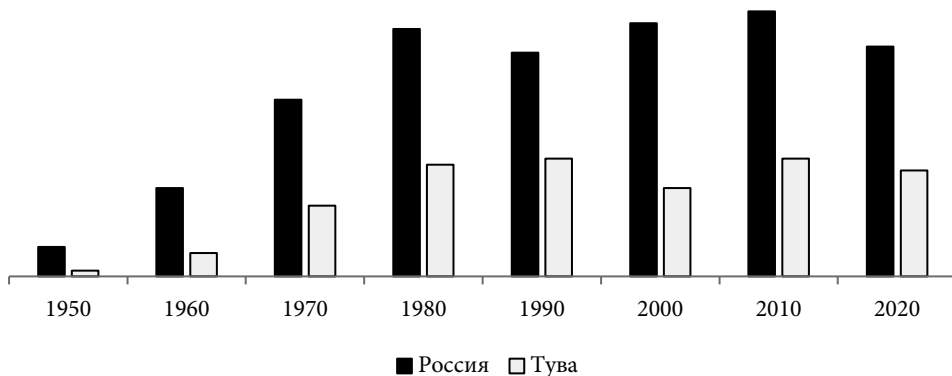

Рис. 2. Динамика разводов в России и Туве, 1950–2020 гг., на 1000 чел. населения

Источники: Юбилейный статистический сборник к 100-летию единения России и Тувы. Кызыл: Тывастат, 2014; данные Росстата (URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>) (или: Демография // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 03.07.2021).

Несмотря на эти процессы, фундамент тувинских семей сохраняет свою прочность — при показанном выше снижении нормы брачности показатели разводимости в Туве остаются низкими среди регионов России. Разводы как социальное явление в тувинском обществе распространялись в течение второй половины XX в. и в начале XXI в. как результат детрадиционализации и модернизационных процессов в обществе и семейно-брачных отношениях. Основы этих процессов были заложены ещё в период ТНР — свобода выбора, равноправие стали защищаемыми законами ценностями в семейно-брачной сфере. Чем больше тувинское

общество проникало в общее советское социокультурное пространство, чем выше становилась социальная мобильность населения, тем больше в социальную практику внедрялось расторжение брачных союзов. В 1946 г., например, всего по Туве было зафиксировано 3 развода, или 0,03 разводов на 1000 человек населения. Достаточно активные темпы роста разводов наблюдаются с 1970-х гг., достигнув к 1980 г. показателя 1,9 на 1000 населения [26, с. 19]. Максимальные значения этого показателя в Туве наблюдались в 2011 г. — 2,2 [26, с. 19], но в то же время это было почти в 2 раза ниже, чем в целом по России в том же году — 4, 7 [7].

Таким образом, в последнее десятилетие в Туве наблюдается тенденция к его снижению по сравнению с 2011 г. На данное обстоятельство влияет и то, что ценность семьи, брака, детей в иерархии жизненных ценностей населения Тувы продолжает занимать приоритетное место. Групповая поддержка родственников, в том числе материальная помощь родственным семьям (как и возможное осуждение со стороны старших родственников в случае развода), наличие детей, влияние традиционных ценностей, не позволяют существенно делегитимизировать брачно-семейные приоритеты

Роль ценностей в репродуктивных стратегиях тувинских семей

В исследовательской литературе существует аксиологический подход к репродуктивному поведению, в рамках которого ребёнок рассматривается как ценность [14, с. 222]. Из зарубежных подходов к исследованию ценностей наиболее известными являются: измерение Р. Инглхарта, которым было инициировано создание базы данных «Всемирный обзор ценностей» (World Values Survey)¹, измерение ценностей Ш. Шварца, теория ценностных ориентаций К. Клакхона и Ф. Стродбека, измерение ценностей на индивидуальном уровне М. Рокича и Ш. Шварца [14, с. 34, 38, 66, 71], которые так или иначе исследуют влияние базовых ценностей на экономику и политику. Автор ориентировался на определение В. С. Магуна и М. Г. Руднева: «Ценности человека не идентичны его поступкам, но при определённых условиях они могут стать одним из побудителей его практических действий, направленных на воплощение этих ценностей в жизнь» [21, с. 226].

В ходе социологического исследования, проведённого автором в Республике Тыва в 2020–2021 гг.², респондентам было предложено оценить основные жизненные ценности по шкале от 1 до 10, исходя из значимости для них. В таблице 3 мы отобрали ответы, которые показывают наибольшие значения — 10 баллов оценки значимости предложенных ценностей для опрошенных, и ранжировали эти оцен-

¹ См. сайт: URL: www.worldvaluessurvey.org

² Декабрь 2020 г. — январь 2021 г.

ки по принципу значимости. Проведённый опрос показал, что в системе жизненных ценностей наиболее значимыми по весу для респондентов являются крепкая семья (78,0%), воспитание детей (72,7%), здоровье (71,2%), материальный достаток (53,1%). Менее значимыми являются неспецифические для института семьи ценности – самореализация, ощущение принадлежности к роду, народу, стране, карьера, полезность обществу, признание в обществе, высокий статус в обществе. Меньше всего для респондентов важна возможность реализовать себя в политике, ещё менее она важна для женщин по сравнению с мужчинами.

Как показано в таблице 3, ценность семьи, детей не утратила своего первостепенного социального значения, что указывает на этнокультурную устойчивость института семьи. Немаловажную роль в этом играют определённая ретрадиционализация, возрождение традиционных ценностей, роли обычаев, религии, которое началось в постсоветский период.

Таблица 3

Значимость социокультурных ценностей для тувинских семей, 2020–2021 г., %

№	Ценности	Доля респондентов
1	Крепкая семья	78,0
2	Воспитание детей и их будущее	72,7
3	Здоровье	71,2
4	Материальный достаток и финансовая свобода	53,1
5	Самореализация	38,1
6	Ощущение принадлежности к своему роду, народу, стране	35,7
7	Полезность обществу	32,6
8	Признание в обществе	22,2
9	Высокий статус в обществе	21,8
10	Карьера	15,0

Анализ степени удовлетворённости разными сферами жизни показывает практически аналогичную картину (см. табл. 4). Респондентам было предложено оценить удовлетворённость разными сферами жизни. Наибольшую удовлетворённость опрошенные связали со своими детьми, отношениями с любимым человеком / с супругом / супругой.

Распределение ответов опрошенных показывает сосредоточенность большей части респондентов на ближнем круге, таком как семья, дети, на собственном здоровье, материальном положении. Выход за пределы семьи в общество, общественное признание своих заслуг и способностей, высокий социальный статус, стремление к участию в политике – то есть то, что можно отнести к группе внесемейных ценностей, – являются второстепенными. В связи с этим детоцентричность и ориентированность на многодетную модель семьи в репродуктивных стратегиях семей не являются случайными.

Таблица 4

Показатели степени удовлетворённости разными сферами жизни, 2020–2021 г., %

№	Сферы жизни	Доля респондентов
1	Семья, дети	71,2
2	Отношения с любимым человеком (супругом/супругой)	51,8
3	Здоровье	36,8
4	Работа/карьера	31,9
5	Помощь другим	17,5
6	Материальное положение	17,3
7	Социальный статус	16,9
8	Самореализация личностное развитие	16,9
9	Общественное признание	14,4

Репродуктивные стратегии семей

Проведённое нами социологическое исследование показывает, что многодетность как социокультурная ценность сохраняет своё влияние в тувинском обществе и сегодня, и она характерна как для мужчин, так и для женщин, она выступает ценностно-мотивационной основой репродуктивного поведения респондентов. 37,8% опрошенных имеют троих и более детей, 33,4% – двоих детей, 7,0% – одного ребёнка.

Поскольку на формирование репродуктивной стратегии как части жизненного сценария человека влияет реализованный сценарий родительской семьи, респондентам был задан вопрос о том, сколько детей имели их родители. У 74,6% опрошенных родители имели троих и более детей, двоих детей имели родители 18,2% респондентов, один ребёнок был у родителей 7% опрошенных.

Эти данные показывают межпоколенческую динамику в сторону уменьшения количества детей, но в то же время определённую преемственность. Они демонстрируют две сосуществующие тенденции: с одной стороны, снижение индекса детности, которое можно проследить по статистическим данным разных периодов прошлого и нынешнего столетий, и это несмотря на высокий показатель суммарного коэффициента рождаемости в Туве по сравнению с другими российскими регионами; и с другой стороны, как было показано, многодетность как репродуктивная стратегия передаётся последующим поколениям.

Многодетность как некая идеальная репродуктивная модель семьи подтверждается и представлениями респондентов о том, сколько детей должно быть. «Идеальным числом детей» – то есть представлением о том, сколько должно быть детей, для 67% опрошенных в Туве является наличие троих и более детей, для 22,0% – двоих детей, наличие одного ребёнка выбрали 4% опрошенных. Таково было распределение ответов на вопрос прожективного характера о том, сколько детей должно быть в тувинской семье.

На первом ранговом месте причин, по которым респонденты, вне зависимости от пола, не планируют больше детей (мужчин — 19,2%, женщин — 32%, 8%), находится финансовый фактор — недостаток финансовых средств в семье, другими словами — рациональный подход к рождению детей с учётом материального положения. На втором месте — состояние здоровья и на третьем — неподходящие жилищные условия. На самом последнем месте — вопросы карьеры. Это может свидетельствовать о двух разных явлениях: карьера не является приоритетом; дети не являются преградой к карьере. Примечательно то, что в гендерном разрезе всё же больше женщин, чем мужчин, полагают, что дети не позволят строить карьеру, и в связи с этим они не планируют ребёнка. Такого мнения придерживаются 1,2% мужчин и 5,2% женщин. Ответы респондентов показывают, что стремление к многодетной семье характерно как для мужчин, так и для женщин, и это осознанное желание — в соответствии с принятыми в тувинском обществе социальными нормами.

Наблюдается едва заметная дифференциация в ответах респондентов в зависимости от уровня образования и места жительства — к многодетности стремятся сельские жители чуть больше, чем городские, и лица со средним профессиональным образованием, чем лица с высшим образованием. Можно предположить, что при дальнейшем повышении уровня образования и степени урбанизации населения республики, как выше указывалось, индекс детности будет снижаться.

Заключение

Как было показано в статье, в начале XX в. исследователи Урянхайского края были едины во мнении о том, что население этого края находится в стадии вымирания и вырождения. Перейти на расширенное воспроизводство и сохранение населения в тот период было невозможно из-за особенностей кочевой экономики, отвлечения скудных ресурсов на налоги и сборы. Это не позволяло создавать те уровень и качество жизни, которые необходимы для роста населения. Качество жизни постепенно улучшалось в период ТНР, а внедрение европейской медицины сократило сверхсмертность. Стабилизация ситуации со смертностью сопровождалась снижением показателей рождаемости. Однако и в советский, и постсоветский периоды как показатели рождаемости, так и размеры семей тувинцев по сравнению с другими народами были больше. Такой расклад сохраняется во многом и сегодня.

Дальнейшая урбанизация населения будет сопровождаться снижением рождаемости в республике и способствовать переходу к малодетной модели семьи. Снижение абортот и использование вспомогательных репродуктивных технологий не смогут существенно повлиять на показатели рождаемости.

Кризисные явления в экономике и обществе в 1990-е гг. привели к тому, что фактическое сожительство без регистрации брака, как и внебрачные рождения и неполные семьи, перестали быть маргинальными явлениями.

Разводы как социальное явление в тувинском обществе всё более распространялись в течение второй половины XX в. и в начале XXI в. как результат глубоких социальных трансформаций. Несмотря на такую динамику, современные показатели разводов существенно ниже, чем по стране и в отдельных регионах. Проведённый нами опрос показал, что в системе жизненных ценностей наиболее значимыми по весу для респондентов являются крепкая семья и воспитание детей.

По итогам исследования сделан вывод о том, что институт брака и существующая репродуктивная модель с определённой трансформацией, но всё являются фундаментом для дальнейшего демографического развития Тувы. У республики есть положительный демографический потенциал, который потребует уже сегодня планировать обновление и расширение социальной инфраструктуры, а также решать вопрос повышения доходов семей — это ключевой вопрос, от которого зависит фактическая реализация демографического потенциала.

Список литературы

1. *Анайбан З. В.* Характеристика этнодемографических процессов Тувы в советский период // Новые исследования Тувы. 2011. № 2–3. С. 130–150. EDN PIFXRL.
2. *Андрейчик М. Ф.* Роль демографических процессов в устойчивом развитии Республики Тыва / М. Ф. Андрейчик, М. А. Хольшина // Вестник КрасГАУ. 2012. № 11 (74). С. 10–16. EDN PICUFT.
3. *Баных Г. А.* Феномен многодетности в России: социологический анализ изменений / Г. А. Баных, Е. В. Зайцева, С. Н. Костина, А. И. Кузьмин // Вопросы управления. 2019. № 1 (56). С. 22–36. DOI 10.22394/2304-3369-2019-1-22-36. EDN CVMCCY.
4. *Вишневский А. Г.* Время демографических перемен. Избранные статьи. М. : ИД ВШЭ, 2015. 517 с. EDN VIULPJ.
5. *Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. В 3 т. Т. 3, вып. 2. Л. : Государственное Русское Географическое Общество, 1930. 858 с.
6. *Дементьева И. Ф.* Негативные факторы воспитания детей в неполной семье // Социологические исследования. 2001. № 11. С. 108–113. EDN SDEOKP.
7. Демографический ежегодник России 2019. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов Российской Федерации) // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 03.07.2021).
8. *Зырянова (Шишкина) М. А.* Детерминанты рождаемости в северных регионах России: результаты Всероссийских переписей населения // Регионология. 2018. Т. 26, № 2. С. 358–383. DOI 10.15507/2413-1407.103.026.201802.358-383. EDN XRVISD.
9. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 // Красноярскстат : [сайт]. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/39103> (дата обращения: 01.07.2021).
10. *Каррутерс Д.* Неведомая Монголия. Т. 1: Урянхайский край / Пер. с англ. Н. В. Турчанинова. Петроград : Изд-во Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия, 1914. 341 с.

11. *Карцева Л. В.* Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социологические исследования. 2003. № 7 (231). С. 92–100. EDN OOOUHP.
12. *Козлова Е. А.* Особенности воспроизводства населения Республики Тыва в конце 1980-х – 1990-х гг. // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 9. С. 39–43. DOI 10.30853/manuscript.2020.9.7. EDN LHRXGP.
13. *Козлова О. А.* Модели рождаемости и репродуктивного поведения женского населения России: современные тенденции / О. А. Козлова, О. О. Секички-Павленко // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 5. С. 218–231. DOI 10.15838/esc.2020.5.71.13. EDN QQAQIY.
14. *Лебедева Н. М.* Ценности культуры и развитие общества / Н. М. Лебедева, А. И. Татарко. М. : ИД ГУ-ВШЭ, 2007. 527 с. EDN QOICTP.
15. *Лунякова Л. Г.* О современном уровне жизни семей одиноких матерей // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 86–95.
16. *Майский И. М.* Современная Монголия (Отчёт Монгольской экспедиции, снаряжённой Иркутской конторой Всероссийского центрального союза потребительных обществ «Центросоюз»). Иркутск : Гос. изд. Иркут. отд., 1921. 472 с.
17. Народное хозяйство Тувинской АССР : стат. Сборник / ЦСУ РСФСР. Стат. упр. Тувин. АССР. Кызыл : Тувкнигоиздат, 1967. 307 с.
18. Оценка численности постоянного населения на 1 января 2021 года и в среднем за 2020 год по городским округам и муниципальным районам Республики Тыва // Красноярскстат : [сайт]. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/32939?print=1> (дата обращения: 01.07.2021).
19. Регионы России. Социально-экономические показатели 2020 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 20.02.2021).
20. *Родевич В. М.* Очерк Урянхайского края (Монгольского бассейна реки Енисея). СПб. : Министерство водных путей, 1910. 206 с.
21. Россия в Европе. По материалам международного сравнительного социологического проекта «Европейское социальное исследование» / А. В. Андреевкова, В. Г. Андреевков, Н. В. Андреевкова [и др.] ; отв. ред. А. В. Андреевкова, Л. А. Беляева. М. : Академия, 2009. 384 с. EDN EXHNNH.
22. *Рудакова Е. К.* Многофакторный анализ внутренних демографических угроз России // Власть. 2020. Т. 28, № 6. С. 30–38. DOI 10.31171/vlast.v28i6.7708. EDN JMEKFF.
23. *Руткевич М. Н.* Необходима ли социология при изучении социально-демографических проблем? / М. Н. Руткевич, Г. Г. Силласте // Социологические исследования. 2002. № 8. С. 145–150.
24. Советская Тува в цифрах : стат. сборник / ЦСУ РСФСР. Стат. упр. Тувин. АССР. Кызыл : Тувкнигоиздат, 1984. 169 с.
25. *Тульчинский Л. И.* Социально-экономический анализ материалов переписи населения Тувы 1959 г. // Учёные записки ТНИИЯЛИ: 20 лет Советской Тувы. Вып. 11. Кызыл : Тувкнигоиздат, 1964. С. 205–222.
26. Юбилейный статистический сборник к 100-летию единения России и Тувы. Кызыл : Тывастат, 2014. 208 с.
27. World Urbanization Prospects. The 2018 Revision / United Nations. Department of Economic and Social Affairs. New York, 2019. URL: <https://population.un.org/wup/Publications/Files/WUP2018-Report.pdf> (дата обращения: 12.08.2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Натсак Органа Доржуевна — кандидат философских наук, учёный секретарь, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия.

E-mail: nod695596@gmail.com

AuthorID РИНЦ: 1079250

Дата поступления в редакцию: 21.10.2021. Принято к печати: 19.01.2022.

DOI: 10.19181/snsp.2022.10.2.9028

Transformation of the Reproductive Model of the Tuvan Family: Historical Retrospective and Current Trends

Organa D. Natsak¹

¹Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva.

4, Kochetov St., Kyzyl, Russia, 667000

For citation: Natsak O. D. (2022). Transformation of the reproductive model of the Tuvan family: historical retrospective and current trends. *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*. Vol. 10, № 2. P. 52–71. DOI: 10.19181/snsp.2022.10.2.9028

Abstract. The article analyzes the transformation of the reproductive model of Tuvan families in historical retrospect and in the context of modern world and Russian trends through the study of factors that influenced the birth rate, child survival, as well as the population growth of Tuva in the XX–XXI centuries, including through the theory of the second demographic transition. The author has focused on the role of intraregional migration flows “village-city” and the process of urbanization in the transformation of the reproductive model of families, changes in family size and childhood. There is also an review of the possible impact of abortions and new reproductive technologies on the demographic profile of Tuvan families. The research attention is also has been paid to the change in the general marriage coefficients in Tuva in comparison with the all-Russian value of the indicator and the indicators of individual regions. The author has made an attempt to explain the specifics of the formation of the indicator of illegitimate births and unregistered marriages, as well as the dynamics of the divorce rate in a comparative context with other Russian regions.

The article shows the place of family and children in the hierarchy of life values of modern Tuvan families, presents the results of a study of reproductive strategies of modern Tuvan families based on a quantitative sociological survey.

The relevance of such a study is due not only to the need to predict demographic processes, the development of human potential of the border subject of the Russian Federation as the Republic of Tuva, but also to understand the historical context that largely determined the population growth of Tuva.

The novelty of the proposed article is that for the first time an attempt has been made to systematically analyze and comprehend the transformation of the reproductive model of the Tuvan family in historical retrospect and in the context of modern world and Russian trends on the basis of an interdisciplinary approach.

Keywords: tuvan family, birth rate, mortality, marriage, reproductive model, reproductive strategies, family as a value, demographic profile of Tuva

REFERENCES

1. Anaiban Z. V. (2011). Kharakteristika etnodemograficheskikh protsessov Tuvy v sovetskii period. [Characteristics of the ethnodemographic processes of Tuva in the Soviet period]. *Novye issledovaniia Tuvy*. № 2–3. P. 130–150. (In Russ.).
2. Andreichik M. F., Khol'shina M. A. (2019). Rol' demograficheskikh protsessov v ustoichivom razvitiu Respubliki Tyva. [The role of demographic processes in the sustainable development of the Republic of Tuva]. *Vestnik KrasGAU*. № 11. P. 10–16. (In Russ.).
3. Bannykh G. A., Kostina S. N., Zaitseva E. V., Kuz'mina A. I. (2019). Fenomen mnogodetnosti v Rossii: sotsiologicheskii analiz izmenenii. [The phenomenon of large families in Russia: a sociological analysis of changes]. *Management Issues*. № 1. P. 22–36. (In Russ.).
4. Vishnevskii A. (2015). *Vremia demograficheskikh peremen. Izbrannye stat'i* [The time of demographic changes. Selected articles]. M.: Izdatel'skii dom Vysshei Shkoly Ekonomiki. 517 p. (In Russ.).
5. Grumm-Grzhimailo G. E. (1930). *Zapadnaia Mongoliia i Uriankhaiskii krai* [Western Mongolia and the Uriankhai Region] Vol. 3, Iss. 2. Leningrad: Gosudarstvennoe Russkoe Geograficheskoe Obshchestvo. 858 p. (In Russ.).
6. Dement'eva I. F. (2001). Negativnye faktory vospitaniia detei v nepolnoi sem'e. [Negative factors of raising children in a single-parent family]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*. № 11. P. 108–113. (In Russ.).
7. *Demograficheskij ezhegodnik Rossii 2019. Prilozhenie k sborniku (informaciia v razreze subiektov Rossijskoj Federacii)*. [Demographic Yearbook of Russia 2019. Appendix to the collection (information in the context of the subjects of the Russian Federation)]. *Cajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki*. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (data of obrascheniia: 03.07.2021).
8. Zyrianova (Shishkina) M. A. (2018). Determinanty rozhdaemosti v severnykh regionakh Rossii: rezul'taty Vserossiiskikh perepisei naseleniia. [Determinants of fertility in the Northern regions of Russia: results of the All-Russian Population Censuses], *Regionologiya*. Vol. 26, № 2. P. 358–383. (In Russ.). DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.358-383
9. *Itogi Vserossijskoj perepisi naseleniia 2002 goda v Respublike Tyva*. [The results of the All-Russian Population Census of 2002 in the Republic of Tuva]. *Sajt Krasnojarskstate*. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/39103> (date of access: 01.07.2021).
10. Karruters D. (1914). *Nevedomaia Mongoliia* [Unknown Mongolia]. Vol. 1. Petrograd. 341 p. (In Russ.).
11. Kartseva L. V. (2003). Model' sem'i v usloviakh transformatsii rossiiskogo obshchestva. [The family model in the context of the transformation of the Russian society], *Sotsiologicheskie issledovaniia*. № 7. P. 92–100. (In Russ.).
12. Kozlova E. A. (2020). Osobennosti vosproizvodstva naseleniia Respubliki Tyva v kontse 1980-kh – 1990-kh gg. [Features of reproduction of the population of the Republic of Tuva in the late 1980s–1990s.]. *Gramota*. Vol. 13, Issue 9. P. 39–43. (In Russ.). DOI: 10.30853/manuscript.2020.9.7.
13. Kozlova O. A., Sekitski-Pavlenko O. O. (2020). Modeli rozhdaemosti i reproduktivnogo povedeniia zhenskogo naseleniia Rossii: sovremennye tendentsii. [Models of fertility and reproductive behavior of the female population of Russia: current trends]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. Vol. 13, № 5. P. 218–231. (In Russ.).
14. Lebedeva N. M., Tatarko A. I. (2007). *Tsennosti kul'tury i razvitie obshchestva* [Cultural values and the development of society]. Gos. Un-t Vysshiaia shkola ekonomiki. M.: Izdatel'skii dom GU Vysshei shkoly ekonomiki. 527 p. (In Russ.).

15. Luniakova L. G. (2001). O sovremennom urovne zhizni semei odinokikh materei. [About the modern standard of living of single mothers ' families]. *Sotsiologicheskie issledovanija*. № 8. P. 86–95. (In Russ.).
16. Maiskii I. M. (1921). *Sovremennaja Mongoliia*. [Modern Mongolia]. Irkutsk: Gos. Izd. 472 p. (In Russ.).
17. *Narodnoe hozjajstvo Tuvinskoj ASSR. Statisticheskij sbornik*. (1967). [The national economy of the Tuva ASSR. Statistical collection]. Kyzyl: Statisticheskoe upravlenie Tuvinskoj ASSR. 307 p.
18. *Otsenka chislennosti postojannogo naselenija na 1 janvarja 2021 goda i v srednem za 2020 god po gorodskim okrugam i municipal'nyh rajonom Respubliki Tuva*. [Estimation of the permanent population as of January 1, 2021 on average for 2020 for the city district and municipal districts of the Republic of Tuva]. Sajt Krasnojarskstate. URL: krasstat.gks.ru (date of access: 01.07.2021).
19. *Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli 2020*. [Regions of Russia. Socio-economic indicators 2020]. Sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>. P. 78. (data obraschenija: 20.02.2021).
20. Rodevich V. M. (1910). Oчерк Uriankhaiskogo kraia (Mongol'skogo basseina reki Eniseia). [An essay of the Uriankhai Region (the Mongolian basin of the Yenisei River)]. Sankt-Peterburg: Ministerstvo vodnykh putei. 206 p. (In Russ.).
21. *Rossia v Evrope. Po materialam mezhdunarodnogo sravnitel'nogo sotsiologicheskogo proekta «Evropejskoe sotsial'noe issledovanie»*. (2009). [Russia in Europe]. Ed. by A. V. Andreenkova i L. A. Beliaeva. M.: Akademiia publ. P. 225–270. (In Russ.).
22. Rudakova E. K. (2020). Mnogofaktornyj analiz vnutrennikh demograficheskikh ugroz Rossii. [Multivariate analysis of Russia's internal demographic threats]. *Vlast'*. № 6. P. 30–38. (In Russ.).
23. Rutkevich M. N., Sillaste G. G. (2002). Neobkhodima li sotsiologija pri izuchenii sotsial'no-demograficheskikh problem. [Is sociology necessary when studying socio-demographic problems]. *Sotsiologicheskie issledovanija*. № 8. P. 145–150. (In Russ.).
24. *Sovetskaja Tuva v tsifrah. Statisticheskij sbornik*. (1984). [Soviet Tuva in numbers. Statistical collection]. Kyzyl: Statisticheskoe upravlenie Tuvinskoj ASSR. 169 p.
25. Tul'chinskii L. I. (1964). Sotsial'no-ekonomicheskii analiz materialov perepisi naseleniia Tuvy 1959 g. [Socio-economic analysis of the materials of the population census of Tuva in 1959]. *Uchenye zapiski. Tuvinskii nauchno-issledovatel'skii institut iazyka, literatury, i istorii*. Kyzyl. P. 205–222. (In Russ.).
26. Jubilejnyj statisticheskij sbornik k 100-letiju edinenija Rossii i Tuvy. (2014). [Jubilee statistical collection for the 100th anniversary of the unity of Russia and Tuva]. Kyzyl: Territorial'nyj organ gosudarstvennoj statistiki po Respublike Tuva. 208 p.
27. World Urbanization Prospects. The 2018 Revision / United Nations. Department of Economic and Social Affairs. New York, 2019. URL: <https://population.un.org/wup/Publications/Files/WUP2018-Report.pdf> (дата обращения: 12.08.2021).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natsak Organa Dorjuevna, candidate of Philosophy, Academic Secretary, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia.

E-mail: nod695596@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-1833-4810

ResearcherID: AAE-5158-2022

The article was submitted on October 21, 2021. Accepted on January 19, 2022.